

С. Г. Осьмачко

Русская православная церковь и музейное сообщество в начале XXI в.

В статье дана развернутая характеристика состояния отношений между Русской православной церковью и продвинутым музейным сообществом по вопросам реституции части культурного наследия. По мнению автора, аргументация оппонентов выглядит следующим образом:

1. У РПЦ (музеев) недостаточно средств для поддержания историко-культурных памятников в должном состоянии (данный тезис устойчиво используют обе стороны).

2. Музеи (церковь) пытаются заполучить то, что им ранее не принадлежало (этот тезис, как и предыдущий, используются обоюдно).

3. Другая сторона не сможет обеспечить возможность культурного доступа (к иконе, в храм) широким массам населения.

Подобная «зеркальная» аргументация имеет под собой несомненные основания: и церковь, и «музейщики» подкрепляют свои позиции соответствующими статистическими выкладками – об утрате части культурных объектов, об угрозе их существованию без необходимого комплекса условий, о степени их доступности, о заслугах как церковной, так и светской интеллигенции (последнее, кстати, не вызывает никаких возражений ни у одной из сторон). Попытки создания собственно церковных музейных учреждений пока не являются эффективными и действенными.

По мнению автора, период острой конфронтации между «музейщиками» и «церковниками» уже завершен. Видимо, в основе конструктивного сотрудничества будут находиться следующие установки:

а) ни РПЦ, ни учреждения культуры впредь не смогут единолично отвечать за культовые объекты; каждая сторона будет использовать накопленные ею положительные потенциалы в этой сфере деятельности;

б) передача функций (от музеев к РПЦ и наоборот) не имеет смысла. Какое-то время стоит сохранять существующее «распределение ролей».

Ключевые слова: Русская православная церковь, музейное сообщество, культурное наследие, религиозные памятники, культовые объекты, богослужебные предметы, реставрация памятников.

S. G. Osmachko

The Russian Orthodox Church and the Museum Community in the beginning of the XXI century

In the article the detailed characteristic of the statement of the relations between the Russian Orthodox Church and the advanced museum community concerning restitution of the part of cultural heritage is given. According to the author, the argumentation of opponents looks like:

1. The Russian Orthodox Church (museums) does not have enough finance to keep historical and cultural monuments in a proper state (this thesis both parties steadily use).

2. The museums (church) try to catch that didn't belong to them earlier (this thesis, as well as a previous one, is used mutually).

3. Another party won't be able to provide a possibility of cultural access (to an icon, to a temple) to broad masses of the population.

The similar "mirror" argumentation has its undoubted bases: both church, and "art dealers" support the positions with the corresponding statistical calculations – about loss of the part of cultural objects, about threat to their existence without a necessary complex of conditions, about a degree of their availability, about merits of church, and the secular intellectuals (the last, by the way, doesn't cause any objections in one of the parties). Attempts to create actually church museum establishments still aren't effective and efficient.

According to the author's opinion, the period of sharp confrontation between "art dealers" and "churchmen" is already complete. Probably in the basis of constructive cooperation there will be following ideas:

a) neither the Russian Orthodox Church, nor cultural institutions won't be able to be individually responsible for cult objects; each party will use positive potentials saved up by it in this field of activity;

b) transfer of functions (from the museums to the Russian Orthodox Church and vice versa) doesn't make sense. It is worth keeping existing "cast" for some period of time.

Keywords: the Russian Orthodox Church, the museum community, cultural heritage, religious monuments, cult objects, divine service subjects, restoration of monuments.

В Основах социальной концепции Русской православной церкви (Глава III, пункт 8) среди областей сотрудничества церкви и государства

последовательно названы «охрана, восстановление и развитие исторического и культурного наследия, включая заботу об охране памятников ис-

тории и культуры», и «диалог с органами государственной власти любых ветвей и уровней по вопросам, значимым для Церкви и общества, в том числе в связи с выработкой соответствующих законов, подзаконных актов, распоряжений и решений».

Действительно, современное российское государство постоянно развивает законодательство о передаче (возвращении) РПЦ части культурного наследия. В настоящей статье мы рассмотрим не столько правовые, сколько организационно-распорядительные аспекты этого процесса.

Несомненно, что сегодня «церковники» и «музейщики» находятся в состоянии вялотекущего конфликта, однако, поскольку их противоречия носят принципиальный характер, ситуация периодически обостряется. Тем более, что религиозные памятники – это только часть культурного наследия современной России. По состоянию на 1 января 2009 г. на государственном учете находилось более 88 тыс. объектов (в том числе, 27754 – федерального и 62384 – местного значения), из которых только 10 % (8515) имели охранные зоны. По данным Министерства культуры РФ (письмо № 2645–01–28 от 15 декабря 1995 г.), под государственной охраной находилось 12107 культовых памятников (абсолютное большинство из них – православные); около трети этих памятников (3743) пустовали [3, с. 31; 6, с. 187, 188]. Представителям музейных инстанций совсем не безразлична дальнейшая судьба передаваемых РПЦ зданий и имущества.

Анализ конфликта интересов РПЦ и учреждений культуры предполагает выяснение позиций сторон. Разберем некоторые аргументы оппонентов. Один из доводов зеркально повторяется в обоих случаях: у РПЦ (музеев) *недостаточно средств для поддержания состояния памятников на должном уровне*. Как ни странно, правы обе стороны: для консервации и реставрации объектов историко-культурного наследия денег недостаточно ни у церкви, ни и у музеев. Следовательно, конфликтующие стороны воюют, прежде всего, за бюджетное финансирование (главное условие их выживания).

Другой довод также (пусть и с некоторой спецификой) проявляется у обеих сторон: *музеи (церковь) пытаются заполучить то, что им раньше не принадлежало*. Например, до 1917 г. все церковное имущество, здания и пр. принадлежало государству [2, с. 64]. Не означает ли это, вопрошают «музейщики», что вести речь о «возвращении» церковного имущества исторически некорректно? Думается, что при этом не следует забывать, что до революции церковные приходы, монастыри, «архиерейские дома» (епархиальные

управления) все-таки имели юридическое лицо и владели своим имуществом на правах частной собственности.

Ситуацию усложняет и то, что сохранившиеся культовые объекты и богослужбное имущество в XX в. несколько раз меняли собственника.

3 марта 2010 г. группа музейных работников обратилась к Президенту РФ с письмом, в котором содержалась и следующая оценка: «В те страшные годы, когда у Церкви не было сил противодействовать уничтожению атеистическим государством основ национальной культуры, этому противостояли ученые, реставраторы, музейные работники, спасая от гибели памятники церковного искусства, изъятые или брошенные на произвол судьбы в закрытых храмах. Именно благодаря их беззаветным трудам и личному мужеству были спасены, отреставрированы и восстановлены тысячи памятников, собраны по частицам и крохам потрясающие музейные коллекции, в которых были явлены культовые и духовные сокровища, ранее не известные никому в мире, в том числе и самой Церкви» [7, с. 6].

Громадные заслуги отечественных искусствоведов, работников музейной сферы невозможно ни забыть, ни сбросить со счетов. Но дальше начинаются разночтения: РПЦ претендует на возвращение собственности; музейное сообщество – на сохранение статус-кво.

Третий довод также свойственен и РПЦ, и музейному сообществу: *другая сторона не сможет обеспечить возможность культурного доступа (к иконе, в храм) широким массам населения*. Позиция РПЦ в этом отношении носит четкую богословскую направленность: нынешнее поколение музейных работников относится к священным предметам только как к артефактам, лишенным сакральной функции; вне церкви невозможно достигнуть правильного понимания предназначения церковных святынь. Соответственно, неконфессиональные экскурсоводы, искусствоведы и пр. не могут (и не смогут) дать посетителям правильное представление о богослужбных предметах и т. п.

РПЦ также обращает внимание на то, что:

а) вход в храм (в отличие от музеев) производится бесплатно;

б) в музеях выставлено не более 2 % церковных предметов.

По данным С. Чапнина, ответственного редактора «Журнала Московской патриархии», в запасниках русских музеев находится более 200 тыс. икон, следовательно, доступность культовых экспонатов в музейных коллекциях – это «не более чем миф» [4, с. 64, 71].

Музейное сообщество принципиально уверено в обратном: только их учреждения обеспечивают

широкий доступ народных масс к историко-культурному наследию. Когда в 1990-х гг. началась передача РПЦ ряда зданий и объектов (список И. Силаева), сотрудники музеев подсчитали: 206 зданий из затребованного патриархом Алексием II перечня принадлежали 54 музеям, посетителями которых ежегодно становились более 11 млн чел. Фонды этих музеев содержали более 4 млн предметов, а строительство новых зданий для музеев (что предписывается законом) обойдется в 130 млн руб. (в ценах тридцатилетней давности) [10, с. 71].

«Музейщики» убеждены, что новоявленные хозяева историко-культурных ценностей не смогут обеспечить должной сохранности попавшим в их руки сокровищам. В конце 1940-х гг. РПЦ из фондов Государственной Третьяковской галереи получила 147 икон (в том числе подписных XVII–XVIII вв.). Эти иконы не были сняты с фондового учета Третьяковки, поэтому в конце 1990-х гг. Министерство культуры РФ предложило галерее это сделать. Музейные работники, прежде чем списывать иконы, попросили церковные инстанции представить их, то есть продемонстрировать фактическое наличие. Ни одной иконы из 147 не было обнаружено.

Исчезли также десятки икон, переданных музею «Александровская слобода» Владимирской области.

В 1990–1995 гг. в связи с криминальным вторжением в сферу историко-культурных ценностей показатели хищений и ограблений здесь удвоились. Храмы же (как и музеи) не имеют необходимых охранных средств.

Перешедшие в РПЦ объекты часто подвергаются необоснованному риску. Например, в октябре 1993 г. икона «Богородица Владимирская» на несколько часов выносилась из Третьяковской галереи в Богоявленский патриарший собор. После этого икону пришлось реставрировать в течение 4-х месяцев, так как перемена постоянного температурно-влажностного режима музея на условия улицы привела к повреждению ее внешнего слоя [8, с. 20–21].

Далее, переданные из музеев иконы помещаются в действующие храмы, где на них влияют многие неблагоприятные факторы (копящие свечи, лампы, дымящие кадильницы; кдалеко не всегда застекленным недавним музейным экспонатам припадают губами истовые верующие, лики окропляются святой водой, служащие храма протирают иконы влажными полотенцами и пр.). Из-за подобного обращения оказались поврежденными иконостас Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры, фрески Андрея Рублева в Успенском соборе Владимира и в Успенском соборе Звенигорода

(«на городке») и пр. [3, с. 32–33]. В настоящий момент рублевские «фрески следует считать погибшими, поскольку оригинального красочного слоя на них не осталось» [9, с. 44].

Наконец, привлекаемые церковью бесплатные (верующие, но неквалифицированные) строители-реставраторы часто исполняют свою работу на таком уровне, что от воссоздаваемого ими культового объекта ничего не остается.

Не ладится у РПЦ с созданием собственных музеев. Осенью 2007 г. тогдашний управляющий делами МП митрополит Климент, выступая на объединенном заседании комиссии Общественной палаты РФ по сохранению духовного и культурного наследия и президиума Союза музеев России, в очередной раз сообщил, что «РПЦ собирается создать систему собственных музеев, по поводу чего ведет переговоры с Министерством культуры РФ». По мнению специалистов, «ничего из сказанного не было сделано, и до сих пор в РПЦ не существует ни одного конкурентоспособного собственного музея» [6, с. 189].

Можно с уверенностью констатировать, что период острой конфронтации между РПЦ и музейным сообществом постепенно завершается и обе стороны пришли к пониманию необходимости компромисса. Видимо, в основе конструктивного сотрудничества будут находиться следующие установки:

а) ни РПЦ, ни учреждения культуры впредь не смогут единолично отвечать за культовые объекты; каждая сторона будет использовать накопленные ею положительные потенциалы в этой сфере деятельности;

б) передача функций (от музеев к РПЦ и наоборот) не имеет смысла. Действительно, нет ни одного музейного объекта, который, будучи переданным церкви, добился бы образцового музейного срабатывания. То же самое можно сказать и о назначении священников директорами соответствующих музейных учреждений. В 2009 г. директором Соловецкого историко-архитектурного музея-заповедника приказом министерства культуры был назначен наместник Соловецкого монастыря архимандрит Порфирий (Шутов). Тогдашний министр культуры А. Авдеев сдержанно отметил: «Это исключение из правил. Мы пошли на это по просьбе РПЦ. Пока полного удовлетворения от этого опыта нет, хотя мы и видим, что он полезен» [1, с. 31]. Какое же удовлетворение от деятельности директора в рясе может достигнуть руководство? К тому же директор-священник старался преимущественно в пользу РПЦ.

Председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерей В. Чаплин, казалось бы бесхитростно, заявляет:

«Быть директором музея... может любой человек, имеющий соответствующее образование, даже если он священник. Это не разрушает принцип отделения государства от Церкви. В канонической области священник должен руководствоваться церковными законами, а как директор музея – соображениями охраны памятников».

Можно предположить, что директор музея из священнослужителей будет свято блюсти заветы православия (суть – интересы РПЦ), а остальное – по возможности.

Председатель Центросовета Всероссийского общества охраны памятников и культуры Г. Маланичева прямо возражает отцу Всеволоду: «Между музеями и церквями налаживается сотрудничество, и священники, взяв на себя общекультурную миссию, нередко ведут работу как музейные сотрудники. Один из примеров – Великий Новгород, епархия владыки Льва. Но таких случаев – единицы. К попыткам Церкви взять на себя как можно больше функций я отношусь с осторожностью. Так страна может остаться без опытных музейных работников» [1, с. 31].

Русскую интеллигенцию не может не радовать, что сфера конфликта между РПЦ и музейным сообществом уменьшается. Обе стороны пришли к выводу, что необходима конструктивная дискуссия по всем направлениям проблем. Время взаимных упреков прошло, пора совместно решать, как хранить и использовать предметы церковного искусства для блага народа и государства. Об этом с оптимизмом говорил протоиерей Л. Калинин, член Совета по культуре при патриархе и искусствоведческой комиссии Московской епархии РПЦ: «Сейчас и у Церкви, и у музейного сообщества есть стремление к диалогу, стороны ищут точки соприкосновения, разрабатывают совместные проекты, действуют заодно. Конечно, не все идет гладко. С обеих сторон существуют отдельные деструктивные элементы, которые выступают против самой возможности диалога и тем самым тормозят процесс. Но сложности бывают в любом благом деле. Уверен, что общее позитивное движение к более тесной интеграции Церкви и музейного сообщества одержит верх к вящей славе Божией и славе великой России» [5, с. 83].

Библиографический список

1. Батюшка – директор? [Текст] // Аргументы и факты. – 2011. – № 14. – С. 31.
2. Виглянский, В. Н. О правовом статусе православной святыни [Текст] // Журнал Московской патриархии. – 2010. – № 4. – С. 64–71.
3. Володина, Н. В. Проблемы обеспечения сохранности и доступности культового искусства в современном российском обществе: философско-правовой аспект [Текст] // Государственная власть и местное самоуправление. – 2003. – № 1. – С. 30–36.
4. Журнал Московской патриархии. – 2010. – № 4. – С. 62–73.
5. Журнал Московской патриархии. – 2012. – № 1. – С. 83.
6. Мусин, А. Е. Церковная старина в современной России [Текст]. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. – 456 с.
7. Письмо к президенту [Текст] // Независимая газета. НГ-религии. – 2010. – 3 марта. – С. 6.
8. «Пока полного удовлетворения нет...» [Текст] // Новая газета. – 2011. – 4 июля. – С. 20–21.
9. Ревзин, Г. Церковь пожинает лавру [Текст] // Коммерсант. Власть. – 1999. – № 8. – С. 44–46.
10. Религия и демократия: На пути к свободе совести Вып. II [Текст]. – М.: Издательская группа «Прогресс – Культура», 1993. – 592 с.

Bibliograficheski spisok

1. Batjushka – direktor? [Tekst] // Argumenty i fakty. – 2011. – № 14. – S. 31.
2. Vigljanskij, V. N. O pravovom statusu pravoslavnoj svjatyni [Tekst] // Zhurnal Moskovskoj patriarhii. – 2010. – № 4. – S. 64–71.
3. Volodina, N. V. Problemy obespechenija sohrannosti i dostupnosti kul'tovogo iskusstva v sovremennom rossijskom obshhestve: filosofsko-pravovoj aspekt [Tekst] // Gosudarstvennaja vlast' i mestnoe samoupravlenie. – 2003. – № 1. – S. 30–36.
4. Zhurnal Moskovskoj patriarhii. – 2010. – № 4. – S. 62–73.
5. Zhurnal Moskovskoj patriarhii. – 2012. – № 1. – S. 83.
6. Musin, A. E. Cerkovnaja starina v sovremennoj Rossii [Tekst]. – SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2010. – 456 s.
7. Pis'mo k prezidentu [Tekst] // Nezavisimaja gazeta. NG-religii. – 2010. – 3 marta. – S. 6.
8. «Poka polnogo udovletvorenija net...» [Tekst] // Novaja gazeta. – 2011. – 4 ijulja. – S. 20–21.
9. Revzin, G. Cerkov' pozhinaet lavru [Tekst] // Kommersant. Vlast'. – 1999. – № 8. – S. 44–46.
10. Religija i demokratija: Na puti k svobode sovesti Vyp. II [Tekst]. – M.: Izdatel'skaja gruppa «Progress – Kul'tura», 1993. – 592 s.